ринный Им на минуту овладел»... Нежность, промелькнувшая в онегинском взгляде, брошенном на Татьяну на ее именинах, создателю романа также в своем «происхождении» неясна: «Невольно ль иль из доброй воли,— Но взор сей нежность изъявил»...

Говоря в примечаниях к «Онегину», что в «романе время расчислено по календарю», Пушкин опять же признавал, даже подчеркивал подвластность созданного им мира объективному движению жизни, объемлющему и самого поэта.

И вот уже творец «Онегина» должен был сказать, что его Татьяна «удрала с ним штуку». И затем Толстой будет неоднократно вспоминать эти пушкинские слова, потому что в них, действительно, свидетельство утвердившихся новых отношений между художником и его героями. Потому что здесь — начало русского романа XIX в. с его широким, не предусмотренным самоосуществлением жизни возникших в писательском воображении и получающих уже собственную свою историю персонажей.

Поэтическое воображение оказывалось способным воздвигнуть мир, диктующий свою волю этому же воображению. Подобная способность не становилась для Пушкина в ряд обычных и даже высших проявлений жизни человека, хотя бы и являющегося художником. В те моменты, когда человек поднимается до нее, он для Пушкина восходит на высоту единственную, оставляя позади все прочее, все иное в себе, о т д а в а я с ь пришедшему озарению. И самое это озарение предстает ему как сила самостоятельная, берущая его в исключительную свою власть.

В конце I главы «Онегина» говорится, что муза к его творцу «явилась», когда «прошла любовь».

Поэты, подобные Ленскому, воспринимали поэзию и любовь в одном, если можно так выразиться, измерении. Но Онегин отзывается об этом иронически («Когда б я был, как ты, поэт...»). И с подобной же иронией высказывается затем сам Пушкин в равной мере о своем Ленском и о своем современнике Языкове:

Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

Для создателя «Онегина» стихотворство отнюдь не было самовыражением по преимуществу. Он готов был видеть в нем служение искусству, потребовавшему и призвавшему его к этому служению. В одном из примечаний к «Онегину» Пушкин привел снятое им по каким-то причинам после первого издания VI главы ее окончание:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта....

Это обращение к «вдохновению» с просьбой посещать его не было для творца «Онегина» обычной поэтической условностью и потому, очевидно,